ЕВГЕНИЙ
КУЗНЕЦОВ
ЗЛОПОЛУЧНЫЙ
РЕПОРТАЖ
РАССКАЗ
18+
18+
AD PODLICUM, или Злоключения Сёмы Киппена

Евгений Кузнецов
Злополучный репортаж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64203321
SelfPub; 2021

Аннотация

Безотчетное стремление к журналистике толкает неудачника Сёму Киппена на отчаянную авантюру – собрать материал о выставке морских свинок и написать репортаж… казалось бы, всего-то… но вот результат: психоз у председателя Ассоциации свинкозаводчиков "СиПиГор", нервный срыв у главного редактора газеты «Горноморсквуд», увольнение верстальщика… а ведь Сёма хотел как лучше. (Из сборника «Ad podlicum, или Злоключения Сёмы Киппена» – 2)

Евгений Кузнецов
Злополучный репортаж

Глава 1

Все это странно: я заметил, что никто не называет меня по-взрослому – Семёном. Мама всегда зовет только Сёмой или даже Сёмочкой, да и дядя Берл с тетей Дворой, и Сарочка с ее мамашей Гольдерманшей, и даже малознакомые, а то и вовсе незнакомые мне люди… как будто я до сих пор бегаю в коротких штанишках. Кстати, бегать мне, пусть и в брюках, последнюю неделю приходится немало, ведь я устроился работать почтальоном.

Сегодня была пятница – последний рабочий день. Меня окрыляла радостная мысль: поскорее избавиться от единственного оставшегося конвертика, набить опустевшую от газет, журналов, бандеролей и писем сумку «Морским» пивом и закатиться на все выходные на дачу. Но разве светлым мечтам суждено сбываться?

Я шел через площадь Вождя, неосознанно стараясь держаться поближе к деревьям. Пышные кроны каштанов укрывали меня не столько от солнца, сколько от двух крайних окон на третьем этаже гостиницы «Континенталь». Уже год я обходил ее седьмой дорогой, но в этот солнечный июньский

полдень по иронии судьбы мне предстояло вновь побывать в редакции газеты «Горноморсквуд» – я доставлял туда корреспонденцию. Это место, наверное, всегда будет напоминать мне о первом журналистском опыте и о той неприятной истории, которая приключилась со мной прошлым летом в универсаме. От навязчивых воспоминаний я до сих пор иногда просыпаюсь в холодном поту и, что еще хуже, после ночных кошмаров не могу даже смотреть на свою обожаемую Сарочку. Вот такие дела: даже одного взгляда на гостиницу мне хватило, чтобы разворошить старую душевную рану…

Минут пять я посидел на лавочке перед входом в «Континенталь», отрешенно глядя в пустоту перед собой. Почувствовав, что немного пришел в себя, я встал, поднялся на три ступеньки и, опираясь левой ногой о вторую створку, открыл массивную деревянную дверь. Пересекая гостиничный холл, я на ходу показал молодой и улыбчивой администраторше на синюю сумку с белым почтовым логотипом, а затем вошел в лифт и кнопкой подал сигнал электродвигателю к вознесению меня на третий этаж. Там красная ковровая дорожка привела прямо к двери с табличкой, на которой было выгравированно название издательства. Я постучал, повернул ручку и с тяжелой душой шагнул в образовавшуюся амбразуру прямо навстречу судьбе.

Сегодня редакция пустовала, и там царила непривычная тишина. Секретарь Эллочка в одиночестве сидела на подоконнике, задумчиво смотрела в открытое окно и, лениво

постукивая ярко-алым ноготком по сигаретке, стряхивала в него пепел, естественно, прямо на головы прохожим.

– Здгасти, – глянув на меня, каркнула она и вновь вернулась к созерцанию площади у городской администрации, по которой вяло ползали разморенные на солнце курортники в разноцветных одежках.

Я прекрасно понимал Эллочку: жизнь человеческого «муравейника» под названием Горноморск, рассматриваемый с высоты полета майского жука, это действительно завораживающее зрелище.

На голос Эллы из-за пластиковой ширмы появилась лысая голова-луна главного редактора. Увидев меня, расположенные на этой «луне» глаза округлились, а брови взметнулись на лоб. Через минуту, справившись с эмоциями и взяв под контроль мимику, Шеф, то есть Владимир Аркадьевич Южный – так звали главного редактора официально – весь выплыл из своего укрытия и, проявляя обычное для него гостеприимство, жестом пригласил меня проходить.

Мы сошлись на середине комнаты. Шеф остановился и изобразил жест мыслителя – почесал затылок. От него волнами исходили пары какого-то элитного алкоголя, по-моему, виски, и я немного отстранился к окну. Там было не свежее из-за Эллочкиных сигарет, но зато теперь взору открылся укромный уголок за перегородкой – логово Шефа.

Внимание сразу привлекла одна вещица на его столе.

«Так и есть, угадал», – ухмыльнулся я.

Это была большая, пузатая, выдутая из зеленого стекла бутылка шотландского виски «Вандер Лайфсонс». Пока я разглядывал бутылку и радовался своей прозорливости, Шеф тоже о чем-то молча размышлял – его глаза были хитро прищурены, как будто он задумал что-то недоброе.

Молчать дольше было неприлично – я первый должен был заговорить.

– Здравствуйте, Владимир Аркадьич! – смущенно улыбаясь и пряча глаза, поприветствовал я своего бывшего начальника и протянул ему письмо и ведомость. – Вот… заказное… распишитесь.

– Привет, парень… Слушай, напомни-ка… – Шеф произвел пальцами левой руки жест припоминания прямо у меня перед носом.

– Семён Киппен, – чисто автоматически напомнил я ему свое имя.

– Сёмочка! – обрадовался Шеф – искорки-бесенята запрыгали в его глазах. – Спасай, дружочек. Видишь, – он простер руку в сторону Эллы и описал широкую дугу по всему помещению, – никого нет. Кто в отпусках, кто в полях, кто на фронтах, а у меня мероприятие горит: сущая безделица – выставка морских свинок, – но я обещал осветить, а сам пойти не могу, понимаешь? Теперь на тебя одного надежда. Ничего особенного делать не надо: вот несколько вопросов, задашь организатору, – Шеф как по волшебству достал из кармана брюк сложенный вчетверо листок и вложил его мне

в руку, – пообщаешься с людьми, посмотришь выставку, в общем, принеси мне хоть что-нибудь для репортажа.

Я молча обдумывал неожиданное предложение. Противоречивые мысли, поочередно сменяя друг друга, одолевали меня каждая своей убедительностью: «Посещение универсама прошлым летом, тоже с подачи Шефа, отразилось на мне тяжким нервным потрясением и, как следствие, ночными кошмарами, да еще стал преследовать навязчивый запах "Самсары"… С другой стороны, что со мной может случиться на выставке морских свинок?! Напишу репортажик, выручу Шефа… В благодарность он сразу же возьмет меня в штат… назначит хорошую зарплату… Сделаю карьеру до его зама… Потом, глядишь, и… А мама-то как будет мной гордиться. Еще бы! Из почтальона – в журналисты!»

– Знаете, Владимир Аркадьич…

Не успел я и слова сказать, как мудрый главный редактор, видя и понимая все мои опасения и соблазны, быстро сообразил:

– Во-первых, зови меня Шеф. Во-вторых, ничего не бойся – никаких недоразумений… – он не сдержал смешок, но хмыкнул в сторону, – как в универсаме не будет. Я лично позвоню и предупрежу организатора – это моя знакомая, ее зовут Това Феклистовна… Записывай-записывай, что стоишь смотришь?! Ты ведь уже проявил себя в журналистике – помню-помню… – Снова голова в сторону и хмыканье. – Я сразу это понял, – Шеф положил левую руку мне на плечо, а

пальцем правой потряс у меня перед носом, – тебе нравится наше ремесло. Ну что скажешь?

Сомнения – прочь! Я не эгоист: доверие Шефа, мамина радость, Сарочкино восхищение и соседская зависть – все это важнее собственных страхов. Вот так я снова стал журналистом! Хотя больше хотелось побыть самим собой: попить пивка на даче, поваляться на солнышке у речки, половить рыбу…

Глава 2

Воскресное утро выдалось на редкость погожим: солнце уже с раннего утра припекало, а на небе не было ни облачка – чудесная погода для дачного отдыха у реки. Но вместо рыбалки я слонялся по выставке и пытался разузнать хоть что-нибудь о морских свинках.

Откуда-то справа раздалось раскатистое, усиленное репродукторами сообщение, и я, как заправский журналист, достал из кармана блокнот и перелистал его. На первой странице был рецепт моей авторской пиццы «Мазель», на двух следующих – набросок прошлогоднего алкогольного расследования и коды домофонов моего почтового участка. Я открыл чистую страничку и сокращенно записал то, что транслировали на весь зал: «поб. в номинац. мех. экстрим. коротк ошерст Пиня».

Шел второй день Южной выставки морских свинок. При-

знаться, весь первый день я откровенно провалял дурака и ничего не фиксировал, резонно рассудив, что все самое значимое и интересное организаторы, наверняка, приберегли на заключительный день. Поэтому большую часть субботы я провел возле пивного ларька – сидя на бордюре в прохладной тени каштана-великана, дуя пенное и закусывая сушеной таранкой. И вот сегодня где-то к середине дня я с ужасом осознал, что, видимо, ошибся в ожиданиях, и теперь приходилось срочно наверстывать упущенное.

Я пробирался сквозь толпу в поисках того самого Пини, чтобы взять интервью у его владельца. Народу была тьма-тьмущая, а вот свободного места – крайне мало. Расставленные рядами столы образовывали лабиринт с узкими проходами. В плотно прижатых друг к другу открытых вольерах сидели щекастые грызуны, и все дружно что-то жевали. Свинки работали сначала передней частью – с челюстями, а затем задней… а то и обеими одновременно. В огромном помещении духота стояла страшная, и жутко воняло.

Не обращая внимания на неудобства, свинкозаводчики расческами, фенами, бигуди и другими средствами придавали маленьким питомцам наиболее выигрышный вид – точно в соответствии со своими своеобразными представлениями о красоте. Мало того, отвлекаясь от придания лоска будущим чемпионам, свинководы постоянно мельтешили по узким проходам, не давая возможности посетителям выставки как следует приглядеться к причудливым животным за их

кровные двести рублей, уплаченные за входной билет.

Чисто инстинктивно я потянулся на свет, туда, где высокие витринные стекла образовывали угол. Там происходила особенная возня и суета. Именно оттуда звучали сообщения ретрансляторов, громкие выкрики, смех и аплодисменты. В огороженном столами светлом уголке вершилось главное таинство всего мероприятия – конкурсные отборы и награждения победителей, а в паузах проводились различные лекции, мастер-классы и рекламные презентации.

«Терпеть не могу зоопарки», – с раздражением поймал я себя на этом открытии. Мне ничего не нравилось, что здесь происходило: ни то, как толкались посетители, ни то, как свинкозаводчики глумились над безобидными животными… ни то, как они стали на меня глазеть, когда я взял в руки каталог выставки, чтобы узнать, где искать этого чертового победителя в номинации «самый короткий мех», ни то, как после этого за мной установили самую настоящую слежку…

«Так и есть, – удостоверился я, – за мной следят трое: мужик и две тетки». Соглядатаи распределились тактически грамотно – позади и по обе стороны от меня. Я поспешно бросил каталог на стол и направился обратно в зал. Три тени последовали за мной.

«Мало им, что эксплуатируют инстинкт свиней, вынуждая тех бесконечно размножаться, устраивают среди бела дня свои шабаши, берут деньги за показ, так еще и не дают работать журналисту… Да что ж это такое, в самом деле?! Что

они там себе думают, что я свинью у них украду? или подложу?» – про себя возмущался я, то и дело оглядываясь на преследователей и уходя от погони все дальше вглубь зала.

Поддавшись азарту, я решил непременно «сбросить хвост», как в детективном романе. Как бы не так, это был вовсе не Лоутерский пассаж, а голое пространство торгово-выставочного павильона «Арена».

«Убегать бесполезно, – решил я. – Надо поменять тактику и стать незаметным». Следующие пятнадцать минут я поочередно перепробовал различные способы маскировки: «сливался» с толпой, принимал то равнодушный вид, то, наоборот, проявлял заинтересованность очередной свинкой, не забывая, однако, озираться по сторонам и поглядывать на недремлющих соглядатаев.

Воистину, если что-то сразу не заладилось, то впереди ждут еще большие неприятности. Неумело применяя шпионские хитрости, я вызывал еще больше подозрений. Наверняка, все решили, что со мной происходит что-то неладное, поскольку теперь, помимо троих преследователей, за моими маневрами с нескрываемым любопытством наблюдали не только свинкозаводчики с их питомцами, но даже и посетители выставки. Ситуация накалилась до предела – дальше находиться здесь было просто невыносимо. В мертвой тишине под прицелом сотен пар глаз я медленно двинулся к выходу.

Пока я не смотался, «шпик» решительно перешел от преследования к открытому сопровождению. Быстро обогнав

меня перед самой дверью, он грудью преградил путь и, «дружелюбно» улыбаясь, грубо спросил:

– Представьтесь, кто вы? и с какой целью вы здесь находитесь?

– Я – журналист, Семён Киппен, – улыбаясь в ответ, сообщил я и сразу же, как учил Шеф, перешел прямо к делу: – Можно задать вам несколько вопросов? Скажите, а…

– Вон там, – перебил меня грубиян и показал пальцем в судейский угол, – организатор выставки. Можете задать ей все свои вопросы.

После этого он замолчал, но не сдвинулся с места, по-прежнему преграждая путь к свободе, и я, сопровождаемый пристальными взглядами, послушно направился туда, куда указывал «перст судьбы»…

Намаявшись сначала с уходом от «хвоста», потом с допросом-интервью, но так и не преуспев ни в том, ни в другом, я присел на батарею отопления, чтобы хоть немного привести мысли в порядок. Все что мне удалось выудить из подозрительного председателя выставки, уместилось в несчастные две строчки в блокноте. Еще по всей станице вразнобой были разбросаны клички свинок-победителей в нескольких номинациях – единственное, что я успевал записывать по ходу дела. Вот и весь улов, которым я обладал.

Ну не мог же я так жестоко подставить Шефа, ничего не «нарыв» после двухдневной работы?! Выставка подходила к концу, а это значит, чтобы успеть в номер, мне нужно было

срочно начинать что-то писать самому, и лучше, если это будет полноценный репортаж. В запасе у меня оставалось часа два-три, если не четыре.

Я с облегчением вырвался из этой свинской кутерьмы – никто меня больше не преследовал, я проверял, – вернулся домой и незамедлительно засел за ноутбук. Работая по свежим следам, мне даже не требовалось вдохновение. Справиться с задачей удалось на удивление легко и быстро. Под конец рабочего дня я уже был в редакции с готовым, как говорят журналисты, сочным, но, главное, правдивым репортажем… пускай и чуточку островатым, но свинководы сами во всем виноваты – обошлись со мной по-свински на своей чертовой выставке…

Старый, тощий, даже какой-то высохший, и безостановочно покашливающий выпускающий редактор с говорящей фамилией Сухонь включил громкую связь, и из динамика телефона на всю редакцию прогрохотал голос Шефа:

– …чего без меня не можешь?! Что там у тебя опять?

– Да тут этот, кхе-кхе, Киппен снова принес репортаж… – скорчив кислую гримасу, проскрипел заместитель Шефа.

– Репортаж?! Хм-м… Я посылал его собрать материал… – удивился Шеф.

– Он говорит, кхе-кхе, что принес готовый репортаж. Только я бы… кхе-кхе-кхе, кхе-кхе… – Сухонь закашлялся и не успел договорить.

– Отлично! Запускай. Номер уже горит, – перебил своего

осмотрительного заместителя Шеф.

– Да, но, Шеф… кхе-кхе, неужели, ты забыл… – проскрежетал Сухонь, явно намекая боссу на мое прошлогоднее антиалкогольное расследование.

– Слушай, Карлыч, это выставка морских свинок. Что там можно накосячить?! Давай-давай ставь в подборку и запускай наконец-таки номер. Под мою ответственность. Все. Давай, – распорядился главный редактор и отключил связь.

К своему несчастью, Шеф забыл старую как мир истину: если кажется, что все идет хорошо, значит, что-то пошло не так… Убеленный сединами и умудренный жизненным опытом Сухонь это помнил… Он направился в отдел верстки, двигая желваками на тощей физиономии и без конца покашливая. Расстановка «фигур» на «шахматной доске» редакции никогда не устраивала заместителя главного редактора, и он вновь принялся мысленно их передвигать, как самый настоящий гроссмейстер:

«Шеф зарвался, совсем нюх потерял, – размышлял Сухонь, нервно крутя в артритных пальцах мою флешку. – Под твою ответственность, говоришь? Вот и хорошо! Нашему учредителю Абраму Саркисовичу очень понравится твоя халатность. Засиделся ты, видно, в главредах, а я – в замах… А ведь я предупрежда-а-ал».

Глава 3

В понедельник утром каждого горноморца с синего-синего неба ярким сиянием приветствовало ласковое июньское солнце. Но только троим это великолепие представлялось в мрачных тонах: Тове Феклистовне, Шефу и мне, хотя я об этом еще не подозревал. Пока что я купался в лучах этого самого солнца, а также в лучах славы среди моей мамы. На почту я больше не пошел. Не дожидаясь открытия «Союзпечати», я уже в семь сорок утра дежурил у киоска. Первые десять экземпляров газеты были мои. Я не жадный, и к тому же люблю приносить людям радость, поэтому перебудил всех соседей и раздал им несколько своих авторских экземпляров. Что может быть приятнее для человека, чем удача другого – так пусть же и они порадуются моему успеху!

Да я и сам ликовал, я был просто на седьмом небе от счастья, стоя посреди кухни и держа в руках свеженький выпуск «Горноморсквуда» от одиннадцатого июня две тысячи восемнадцатого года. На четвертой полосе справа скромно размещалась моя первая публикация с громким заголовком:

«БЫЛО БЫ КОРЫТО, А СВИНЬИ НАЙДУТСЯ».

Уже в третий раз я вслух перечитывал маме свой репортаж:

«10 июня 2018 года в Горноморске завершилась Южная выставка морских свинок. Данное мероприятие стало проводиться с завидным постоянством вот уже более трех лет. На этот раз каждый горожанин и гость курорта, побывав на выставке и заплатив 200 рублей, смог увидеть не только сви-

нок, но и свиней, превративших ее в настоящий балаган, поскольку никто иной никогда бы не осквернил хорошую идею и под видом любви к животным не маскировал бы жажду к наживе.

Вместо радости и веселья посетителей здесь ждала тягостная атмосфера подозрительности, недоверия и откровенной враждебности. Причина тому известна: под "вывеской" выставки организатором – Ассоциацией свинкозаводчиков Горноморска "СиПиГор" – проводилось основное действо – конкурсы животных. Вот почему в каждом посетителе маниакальным участникам мерещился шпион конкурирующих ассоциаций. Стоило только какому-нибудь заинтересовавшемуся посетителю приблизиться к выставочному каталогу, как он тут же оказывался под прицелом пристальных взглядов или даже в кольце бдительных свинководов, больше похожих на членов опасной секты.

Все эти так называемые любители животных съехались сюда с самых отдаленных окраин горноморья, рассчитывая на победу своего маленького кормильца. Поскольку подтверждение или завоевание титула повышает престиж породы и положение в рейтингах – следовательно, увеличивается и цена потомства. Как видно, корысть – мощный двигатель.

Но вот, слава богу, подходит к концу второй день напряженного мероприятия: завершаются последние конкурсы, вручаются оставшиеся призы и награды, расходятся судьи, члены оргкомитета, обмениваются впечатлениями заводчи-

ки и эксперты по породам – рассеивается тягостная атмосфера… Напоследок поинтересуемся у организатора выставки: "Това Феклистовна, зачем им все это надо? Не знаю, – честно ответила она. – Каждый находит свою выгоду".

А выгодой вряд ли назовешь любовь, ведь правда? Так кто же из них в таком случае, извините, бóльшая свинья?»

…Тем временем, пока я декламировал у себя на кухне, мой репортаж прочитала и Това Феклистовна… и дальше все события развивались стремительно, лавинообразно вызывая каждое последующее. Сначала взбешенная председательница племенной комиссии буквально оборвала редакционный телефон. Из трубки, плотно прижатой к слоновьему уху Шефа, даже без громкой связи на всю редакцию разносился пронзительный вокализ. Многим сотрудникам чудилось, – как позже они это обсудили во время перекура, – что сплошной поток гласных звуков иногда сливался в отдельные слова. В основном это были: «опровержение», «безобразие», «хамство» и даже… впрочем, тут единого мнения не сложилось.

После выслушанного десятиминутного соло-концерта раскрасневшийся Шеф слабеющим голосом позвал Эллочку и попросил принести ему свежий выпуск газеты, пачку валидола и бутылку лекарства от всех невзгод – виски «Вандер Лайфсонс», а сам побрел к себе за перегородку. Когда Элла оторвалась-таки от сигареты и выполнила поручение «дяди Шефа», тот уже немного справился с собой, поскольку об-

наружил в ящиках стола три почти пустых бутылки «Лайфсонса» – такая была привычка у Шефа, никогда не допивать содержимое до дна. Из спасительных остатков набралось немногим меньше чайной чашки, но даже это смешное количество помогло ему продержаться до новой порции.

Постанывая, главный редактор «Горноморсквуда», наверное, в десятый раз перечитывал мой репортаж… Вот уже около четверти часа он нервно рассасывал валидол – таблетку за таблеткой – и запивал лекарством покрепче. Однако ни одно из средств не помогало – Шеф накрутил себя так, что уже не мог спокойно усидеть в кресле: он то и дело порывался сорваться с места и куда-то побежать, но тут же бил кулаком по подлокотнику и на минуту-другую затихал, стыдливо пряча лицо в ладони… Затем цикл повторялся снова.

Сухонь молча потирал друг о друга вспотевшие ладошки и хищно ухмылялся, поглядывая в сторону жалобных стонов, доносившихся из-за черной пластиковой перегородки. Солнце для него сегодня светило как никогда лучезарно…

К счастью или к огорчению, но ничто на свете не длится вечно или хотя бы достаточно долго, особенно, если это что-то приятное. Через час моего ликования, сразу после звонка Шефа, чувство радости сменило другое чувство. Трудно его описать, но одно ясно: какое-то неприятное. Шеф был не то чтобы взбешен, просто ярость затмила ему ум, а «Лайфсонс» подогрел кровь. В общем, все что я понял из его цветастых и быстро сменяющих друг друга идиоматизмов, это

императив: выражаясь прилично, поскорее предстать перед ним в редакции, где он меня с нетерпением ждет, чтобы что-то там устроить и показать. Очень жаль, но, судя по тону Шефа, на приглашение на праздничный банкет по случаю моего успешного дебюта это не было похоже.

«Короче, все как всегда, – опечалился я. – Вместо благодарности я получаю взбучку. До чего же жадные люди эти начальники: чтобы не платить гонорар, пускаются на всевозможные ухищрения».

Глава 4

Сказать по правде, в этот раз Шеф меня напугал не на шутку. Я никогда прежде не видел, чтобы лицо человека так сильно раздувалось и приобретало столь жуткий красный цвет… но все же я справился с испугом и быстренько, пока у пунцового руководителя ничего не лопнуло, поинтересовался:

– Шеф, а я могу получить свой гонорар?

Я как в воду глядел: что-то обязательно должно было лопнуть, и это оказалось его терпением. Главный редактор неожиданно завопил во всю глотку:

– Какой я тебе к черту Шеф, ты, вредитель?! Да как ты только посмел!.. Тоже мне, репортер нашелся!.. Гонорар ему… Да я тебе… три шкуры!..

Это у него происходила, как говорят психоаналитики, раз-

рядка. Я же, наоборот, уходил в глухой затык… А как иначе?! Не мог же я признаться, что за два дня собрал всего две строчки информации… и, чтобы оправдать доверие и не опозориться, все-таки написал репортаж?! Просто я хотел как лучше.

Выпустив пар, Шеф закончил беснование вполне связанной и осмысленной речью, но сопровождая ее демонстрированием огромного кулака у меня перед лицом:

– Знаешь, что она мне наговорила? – И дальше он дословно повторил все, что сам услышал от уважаемого председателя ассоциации свинкозаводчиков, отчего мои уши запылали. – Чтоб завтра же было опровержение, понял?! Принесешь мне лично. На флешке. Утром. Рано. Очень рано.

Я брел по Каштановому бульвару в направлении Центрального проспекта, понуро свесив голову – мне было не до красот курортного Горноморска, – и размышлял о случившемся, вспоминая кое-что из своего философского багажа, накопленного за годы учебы в университете: «Фрейдисты считают, что все нереализованные желания, если не превращаются в неврозы, то вытесняются в совершенно неожиданные сферы деятельности человека. Например, неудовлетворенное либидо может стать талантом художника, музой композитора, вдохновением писателя… Видимо, так произошло и с моей сорвавшейся рыбалкой, вылившейся в критический материал. И теперь предстоит исправлять причудливый результат нерастраченной рыболовной энергии. Ну ничего

страшного, – утешал я себя, – практика для журналиста, это самое важное в нашей профессии… К тому же две публикации – два гонорара!» – окончательно успокоился я и с легкой душой вошел в пивную на пивзаводе… Ноги сами знают, куда привести.

Домой я вернулся поздно вечером с переполненным пузырем, раздутой от пива сумкой и распирающей от мыслей головой. Звеня бутылками, я быстро прошмыгнул в ванную комнату, а потом – к себе, где и засел за ноутбук. Мама смотрела на меня как на странного, но еще по пути в туалет я жестами попросил ее не отвлекать меня от мыслей – мне предстояло работать… возможно, всю ночь. Но на этот раз я подготовился более основательно – и технически, и тактически: побольше пива, поменьше эмоций и упор на документы и аналитику. Погружаясь в Интернет и загружаясь пивом, я начал писать.

На следующий день ровно в восемь утра я, как образцовый работник, уже находился в редакции… правда, в одиночестве… народ начал подтягиваться только к половине десятого… Шеф пришел точно в десять часов семнадцать с половиной минут. Я окончательно проснулся, подскочил с кресла, сонным голосом поприветствовал предводителя редакции и, покачиваясь на непослушных ногах, подошел к нему, чтобы, как было велено, лично из рук в руки передать драгоценную флешку с новой статьей-опровержением. Невероятно, но мне удалось кое-где смягчить, а кое-где и вовсе обой-

ти все острые углы, оставив четкие, сухие факты, цифры и логические рассуждения.

«Шеф будет доволен!» – Я был абсолютно уверен в этом.

Шеф выглядел недееспособным. Но работа есть работа, к тому же сказывалась многолетняя профессиональная закалка. В общем, он молча взял флешку и как-то страдальчески посмотрел на меня, как на открытый нарыв… но мне и самому почему-то было больно на него смотреть, поэтому я побыстрее отвел взгляд. Сделав шумный вдох-выдох, печальный Шеф направился за пластиковую перегородку, чтобы там кровяными, полопанными глазами вычитать мою статью с дипломатичным заголовком:

«БУДЕТ СВИНКА, БУДЕТ И ЩЕТИНКА».

«10 июня 2018 года в Горноморске завершилась 4-я Южная выставка морских свинок, – бегло начал бубнить себе под нос Шеф. – По данным, полученным от кассира мероприятия, за два дня работы выставку посетило порядка 300 человек. Не такая уж и большая цифра, однако, если ее умножить на 200 рублей, а именно столько уплатил каждый посетитель за входной билет, то получится вполне приличная сумма. Собранная прибыль поступила организаторам – Ассоциации свинкозаводчиков Горноморска "СиПиГор". Неплохой прибыток, но и не такой хороший, как приносит свинководам горноморья грандиозный свинкобизнес.

Совсем не бессмысленной затеей, как может показаться на первый взгляд простому обывателю, является разведение

морских свинок. Эти животные способны размножаться раз в полгода, принося до шести детенышей. Те, в свою очередь, уже через месяц способны сами приносить потомство. Зная эти физиологические подробности, а также расценки на свинок, нетрудно подсчитать минимальную прибыль самого скромного свинкозаводческого хозяйства. По среднерыночным ценам от продажи одного кавиа поркеллуса можно выручить от 1 500 до 6 000 рублей в зависимости от породы. Так, американский хеджхок и махерская оцениваются в среднем от 1 500 до 3 000 рублей. На классического шилди ценник варьируется в диапазоне от 2 000 до 3 000 рублей. Цена на экзотических скиппи и вовсе переваливает за 5 000 рублей. А вот за самого дорогостоящего представителя семейства свинковых – диментика папуа пиги – можно выручить не менее 6 000 рублей.

Однако все эти суммы актуальны только при наличии документов, подтверждающих принадлежность породе и племенную ценность животного. Добыть их можно победой в соответствующих конкурсах, для чего те и начали ежегодно проводиться теперь и у нас, в Горноморске. Так, наивысшая награда – «Кубок Юга» – в этом году досталась экстремальному короткошерсту по кличке Лидер. Второе и третье почетные места заняли английский кросгуд Жорик и махерская Пиня – поздравляем их счастливых обладателей».

Дочитав до конца, Шеф задумчиво хмыкнул себе под нос что-то вроде: «Хм-м, а что, может быть…» – и обратился ко

мне, но на этот раз очень мягким, необыкновенно спокойным голосом:

– Сёмочка, отдай эту флешечку Э-эдику и иди… домой – приля-яг отдохни-и… И я пойду…

…Задержавшись у верстальщика Эдика, тощего палочника с печеночными кругами вокруг глаз, я соколиным глазом заметил ошибку в имени одной из свиней-конкурсанток, когда Эдик просматривал мою статью на мониторе:

– Погоди-ка, отмотай немного назад, там опечатка, – нервически сказал я верстальщику.

– Где, где? Здесь, что ли? – сонным голосом переспросил он, крутя туда-сюда колесико мышки.

– Постой-постой! Что это еще за Пипя такая?! Откуда ты это взял? – недоумевал я.

– Дружище, что ты дал, то я и взял, – вяло отозвался Эдик.

– Боже мой, а это еще что такое?! Дай-ка мне, я сам быстренько исправлю, так оставлять нельзя, – я решительно потянулся к клавиатуре.

Эдик нехотя поднялся с кресла, а я занял его место перед компьютером и заменил в тексте букву «п», чтобы получилось правильное имя победителя в номинации «максимальное облысение» – Лидер.

– Ой, а вот еще ошибка… писал-то я ночью… сам понимаешь: под пивным допингом, – я пробегал глазами по тексту, обнаруживал неточности и мимоходом оправдывался перед верстальщиком.

– Ладно, исправляй. Только давай по-быстрому. – Эдик опасливо выглянул за дверь своей коморки. – У тебя пять минут, а я пока перекурю. – С этими словами он оставил меня наедине с моим творением…

Теперь-то я знаю, как затягиваются перекурчики с Эллочкой – Эдика не было больше получаса, – а Эдик теперь знает, что за это время можно успеть исправить очень многое.

Пока я читал, текст фантастическим образом жил своей жизнью, преображался на глазах и не в лучшую сторону – ошибки то и дело вылезали отовсюду. Были перепутаны не только клички животных – пёс бы с ними. Не соответствовало действительности само предоставление фактов и информации.

«И это написал я?! Какой кошмар…» – против неправды восставало что-то внутри меня, наверное, совесть, пока я вчитывался в статью трезвеющими глазами. Мама меня так воспитала, что я не могу врать. Как же я посмотрю ей в глаза, если моя фамилия будет красоваться под этой ложью? Абсолютно каждое предложение вызывало внутренний протест: «Нет, так не годится… это надо исправить…» – бубня себе под нос, комментировал я каждое свое решение и тут же подкреплял его соответствующим действием.

Глядя на меня, трудно было понять, что в данный момент здесь происходило яростное сражение сил добра и зла. Вранье ловкими увертками и недомолвками скрывало или маскировало что-то более важное и главное – истину. «…Ведь

это же неправда… – искренне возмущался я, натыкаясь на вопиющую ложь. – Ну что это за лицемерие – селекционеры пород? – не унимался я, в который раз перечитывая и вновь исправляя прочитанное. – Надо раскрыть суть проблемы: извращенцы – вот так гораздо честнее… А это что за слюнтяйство – экстремальный короткошерст?! Как бы ни так – несчастный лысый уродец, жертва безрассудных человеческих экспериментов», – и так далее в том же духе…

Истина, безусловно, сильнее лжи, и чем больше она торжествовала победу, тем все острее становилось опровержение, обретая акценты первого репортажа. Даже заголовок с дипломатичного как-то незаметно поменялся на более прямолинейный:

«СВИНЬЯ ГРЯЗЬ ВСЕГДА НАЙДЕТ».

– Ты че, еще тут? – с нескрываемой злобой зашипел на меня Эдик и поглядел на часы, когда вернулся с перекура и увидел, что я даже и не думаю останавливаться, а, наоборот, впал раж.

– Да погоди ты… Видишь, вот ведь как оно получается… – не обращая на него внимания, я продолжал трясущимися пальцами паркинсонить по клавиатуре листэссо тэмпо.

Эдик не на шутку забеспокоился:

– Эй, ты че там строчишь? Ну-ка, дай-ка гляну… – он уставился в монитор, после чего выдохнул не своим голосом: – Йёо-о-о-ханый баба-а-ай… Это еще что такое?!

– Да все нормально, Эдик, не ссы в трусы, я только кое-

что исправил… так, самую малость, – успокоил я нервного верстальщика. – Сам посмотри.

Под натиском его обостренной костлявости мне пришлось уступить верстальщику кресло. Он упал в него и стал судорожно бегать печеночными глазами по монитору, нашептывая:

– Это же другой текст… Ты что, удалил историю изменений?.. Что ты натворил?! Меня же теперь из-за тебя уволят… О го-о-осподи-и-и… – обреченно вздохнув, Эдик уронил голову на ладони, и его пальцы зарылись в курчавую черную шевелюру…

– А ты никому ничего не говори, – посоветовал я и развернулся к выходу.

Глава 5

Всю последующую неделю вплоть до понедельника я провел в томительном ожидании выхода газеты и беспокойном бездействии, если не считать похода на почту за расчетом – с работы меня, естественно, выгнали за прогул, а недельный заработок пообещали выплатить как-нибудь в следующий раз.

Но я не переживал: «Денежные потери, – думалось мне, – вполне окупит гонорар за две газетные публикации». И вот теперь я маялся в ожидании выхода нового номера «Горноморсквуда».

Долгожданное утро восемнадцатого июня странным образом в точности повторило утро предыдущего понедельника: то же солнце, та же «Союзпечать», та же мамина улыбка… и тот же мат Шефа по телефону…

Я уже привычно топал в редакцию и анализировал сложившуюся ситуацию: «Шеф опять потребовал с меня опровержение. Такого не может быть, но, похоже, я попал в какой-то заколдованный круг. Впрочем, во всем есть свои преимущества, – успокаивал я себя. – Действительно, а что если вдруг открылся какой-то тайный денежный источник? Ведь так можно зарабатывать, пускай не бесконечно, но, по крайней мере, стабильно, пока либо у Шефа что-нибудь не лопнет, либо пока Това Феклистовна не тронется окончательно. Другим журналистам приходится упрашивать редакторов, чтобы те взяли их материал в номер, а для меня всегда зарезервировано место в новостной подборке. Красота! Что ни говори, а журналистика при правильном подходе – вполне надежный бизнес»…

Я приоткрыл дверь и заглянул в редакцию: там сегодня было полно народа и царило оживление – все сотрудники возбужденно что-то обсуждали между собой. «Это хорошо, теперь бояться не стоит – при людях Шеф скандалить не будет», – успокоил я сам себя и шагнул через порог.

Стоило мне только войти, как гул голосов резко смолк и наступила полнейшая тишина – все молча уставились на вошедшую диковинку… Это и понятно: слух о правдивом ре-

портере быстро распространился в коллективе, и все сбежались, чтобы поглазеть на автора того самого злополучного репортажа, который две недели подряд баламутил весь Горноморск с его пригородами, чуть было не доконал главного редактора уважаемой газеты и довел до психоза председателя ассоциации свинкозаводчиков.

Я искренне стеснялся такого пристального внимания, поэтому, беззвучно выдувая губами мотив «не думай о секундах свысока», отрешенно смотрел в окно поверх голов. Немая сцена затягивалась, но никто не сдавался… Предоставив всем достаточно времени, чтобы изучить меня во всех подробностях, вперед медленно вышел главный редактор – на этот раз он был предельно собран и хладнокровен.

– Ну что ж, – ледяным тоном начал он, – познакомьтесь, дорогие коллеги, вот он… – Шеф подошел ко мне вплотную и больно ткнул указательным пальцем в грудь, – наш журналюга… репорте-е-ерище… аналитик… хренописец. Тот самый… да-а… Хоть в универсам его… хоть на выставку… хоть куда подальше… посылай… – представив таким образом коллективу, Шеф крепко схватил меня за плечо и по-отечески потрепал так, что голова несколько раз мотнулась из стороны в сторону и хрустнуло в шее.

– Ну а теперь давай показывай всем, как ты пишешь. Нам очень интересно на это посмотреть. Садись, вот тебе компьютер. – Говоря все это, Шеф затащил меня за перегородку и с силой всадил в свое кресло.

Он так и остался стоять рядом, не выпуская из крепкой хватки пульсирующее плечо. Все сотрудники обступили нас, образовав плотный полукруг, и тихо-тихо зашушукали между собой. О том, чтобы вырваться и смыться нечего было даже мечтать: я был намертво прикован к креслу, находился в плотной осаде и под прицелом, наверное, больше дюжины пар изумленных гляделок.

– Давай-давай, писатель, смелее… опровергай, – последнее слово Шеф процедил сквозь стиснутые зубы.

Испепеляя меня взглядом и раздувая ноздри, он еще сильнее сжал стальные тиски на онемевшем плече. Лицо Шефа начало багроветь, и я поскорее перевел взгляд на монитор, где в текстовом редакторе был открыт мой последний репортаж. Я не знал точно, что нужно было опровергать: первое «хамство», вторую «аналитику» или третью «хрень», но уточнять уже не стал и начал, все ускоряясь, что-то выщелкивать на пластиковой клавиатуре одеревеневшими пальцами…

– Все, готово, – минут через пять-десять сообщил я избавительную для себя новость.

– Эдик! – громко выкрикнул Шеф и, когда тот подошел к нам, приказал ему: – Даже близко к компьютеру Киппена не подпускать! – а затем вышвырнул меня из своего кресла.

Третье опровержение, после второго, исправленного опровержения первого репортажа вышло двадцать пятого июня под заголовком:

«У ХОРОШЕГО СВИНАРЯ СВИНКА, КАК КАРТИНКА».

«10 июня 2018 года в Горноморске завершилась ежегодная Южная выставка морских свинок. Не обращая внимания на организационные особенности и специфику проводимых параллельно с выставкой конкурсов, горноморцы и гости курорта смогли полюбоваться забавными морскими пигами эксклюзивных и классических пород: от экзотичных лысых скиппи до длинношерстных махерских. Около пяти десятков поркелусов в течение двух дней радовали глаз посетителей. Стоило это удовольствие всего каких-то целых 200 рублей».

И все же, на какую-то секунду подкараулив Эдика, я незаметно пробрался-таки к компьютеру и внес одну единственную правку… после чего незамедлительно скрылся из редакции. В результате маме не пришлось краснеть из-за моего третьего репортажа. Но в журналистику я больше ни ногой. Да меня туда теперь никто и не пустит. Ну и ладно, тем более что ни денег, ни душевного удовлетворения эта профессия мне так и не принесла – одни только расшатанные нервы.

Но зато, слышал я, Шеф уволил-таки Эдика. Не из-за меня, конечно, а за его бесконечные перекуры-шуры-муры с Эллочкой. Так что запишусь-ка я на курсы верстальщиков… и потом снова к Шефу… А что? Считай, уже свои люди – не привыкать… Вот где меня ждет хорошая и спокойная работа. И мама будет очень рада, что ее сын все-таки приобщил-

ся к солидному издательскому делу.

***

Евгений Кузнецов, «Злополучный репортаж»

Из сборника «Ad podlicum, или Злоключения Сёмы Киппена» – 2

Для лиц старше 18 лет. В соответствии с ФЗ 436.

Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.